

DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-4-07

ЖЕНСКАЯ ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ ИЗ ТАДЖИКИСТАНА И КИРГИЗИИ В РОССИЮ

Полетаев Д.В.

Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН
(117418, Россия, Москва, Нахимовский проспект, 47)

E-mail: migrocenter@yandex.ru

Аннотация. Женская трудовая миграция из Таджикистана и Киргизии в Россию требует пристального анализа, так как она недостаточно полно отражена в официальной статистике (женщины-мигранты часто работают в неформальном секторе). В статье используются данные социологических опросов женщин-мигранток из Киргизии и Таджикистана, выполненных автором в 2015 г. и 2016 г., анализируется динамика и структура сфер занятости мигранток из Таджикистана и Киргизии в России, рассматриваются аспекты нарушения трудовых прав женщин-мигранток, а также позитивные и негативные последствия миграции для самих трудовых мигранток. Результаты исследований свидетельствуют об изменении сфер приложения труда мигранток, о существующих практиках нарушения их трудовых прав, о различных стратегиях поведения на рынке труда в зависимости от особенностей патриархального уклада на родине и знания русского языка. Часть женщин-трудовых мигрантов из Таджикистана и Киргизии в России работают в теневой экономике, и даже в рамках ЕАЭС существуют сложности с легализацией их занятости, что означает значительную их уязвимость перед работодателем. Сложившаяся система найма на работу с помощью соотечественников, закрепляет практики неформальной занятости и консервирует уязвимое положение этих женщин, а защита их прав усложняется. При возникновении конфликтных ситуаций женщины трудящиеся-мигранты в России имеют мало шансов защитить свои трудовые права через суд, официальным путём. Женская трудовая миграция в Россию из Таджикистана и Киргизии различается по природе выталкивающих факторов и структуре женской миграции, что обусловлено историческими и социально-экономическими факторами.

Ключевые слова: трудовая миграция в Россию, женская миграция, права, сфера труда.

Россия вынуждена привлекать иностранную рабочую силу из-за нехватки предложения труда местных работников в ряде сфер занятости. Мигранты из Средней Азии составляют при этом подавляющую часть, а женская трудовая миграция становится все более разнообразной [1; 2].

В статье используются данные официальной статистики ФМС России, Росстата и двух исследований: «Феминизация трудовой миграции из Таджикистана и Киргизии в России» (2015 г.), выполненного при поддержке DFID и проекта «Анализ конъюнктуры рынка труда в РФ в целях эффективного трудоустройства трудовых мигрантов из КР и РТ» (2016 г.), выполненного при поддержке Тянь-Шаньского Аналитического Центра АУЦА¹.

¹ При проведении анкетного опроса в 2015 г. опрошены 1239 трудовых мигранток из Таджикистана и Киргизии в России (имеющих гражданство этих государств) от 15 до 60 лет в 5 городах (390 — в Москве, 250 — в Санкт-Петербурге, 209 — в Екатеринбурге, 190 — в Казани, 200 — в Нижнем Новгороде). Выборка репрезентировалась по возрасту (34% — от 15 до 25 лет, 33% — от 26 до 35 лет, 33% — от 36 до 60 лет), странам исхода (50% — из Таджикистана, 50% — из Киргизии), опыту работы в России (50% — с опытом работы 1-2 года, и 50% — с опытом работы 3 года и более) и основным сферам занятости (максимально возможное разнообразие).

В 2016 г. было опрошено 1001 трудовых мигрантов из Таджикистана и Киргизии в возрасте от 15 до 60 лет (в Москве — 501 человек, из них 348 мужчин, 153 женщины; 250 — в Санкт-Петербурге, из них 175 мужчин и 75 женщин; 250 — в Екатеринбурге, из них 182 мужчин и 68 женщин). В целом были опрошены 70,4% мужчин и 29,6% женщин.

Согласно данным одного из первых специализированных исследований, женщин — трудовых мигрантов в 2010 г., женщины в возрасте 35 лет и старше, составляли 50% [3. С. 10]. Поток женщин — трудовых мигрантов был разнообразным как по возрасту, так и по странам исхода, семейному положению, сферам занятости.

К середине-конце десятилетия XXI в., по данным выборочных опросов, женщины составляли до 30% от всех трудовых мигрантов [3. С. 6; 4. С. 32], хотя по официальным данным ФМС России, в 2010 г. женщины составляли 14% потока трудовой миграции [3. С. 6], а в 2015 г. доля женской составляющей среди граждан Средней Азии, пребывающих в Россию, достигала 40% среди выходцев из Киргизии, 18% — из Узбекистана и 13% — из Таджикистана.

Разница между современными потоками женщин-трудящихся-мигрантов из Киргизии и Таджикистана в Россию довольно значительна. Женщины из Киргизии быстрее адаптируются к российским условиям и в целом отличаются более независимыми моделями поведения от женщин из Таджикистана (за исключением женщин — трудовых мигрантов из Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО) Таджикистана) [5].

Опрошенные в 2015 г. женщины одной из главных причин, подтолкнувших их к миграции, назвали экономическую (85%), для них главным стимулом к поездке было желание заработать денег. Наряду с этим, около 30% в качестве стимула к миграции также назвали «приезд к семье или переезд с семьей (чтобы быть

вместе с мужем, детьми и т.п.)». К негативным сторонам миграции опрошенные женщины относят разлуку с близкими и риск распада семьи. Поэтому неудивительно, что они не хотят оставаться на родине без мужа и следуют за ним [6; 7]. Хотя это, безусловно, не является единственным стимулом к семейной миграции: такой выезд может быть обоснован как экономической стратегией семьи, так и нацеленностью на проживание в России длительное время и оседание в будущем.

Среди стимулов миграции женщин из Таджикистана и Киргизии в 2015 г. также фигурируют как планы (основные или сопутствующие экономическим стимулам) получить образование (8%), так и намерения устроить личную жизнь (8%). Брачные стратегии, включающие миграцию в Россию, как показало исследование, связаны, в основном, с поиском будущего брачного партнера — выходца из той же страны, откуда выезжает женщина. Это обусловлено тем, что и в Таджикистане, и в Киргизии из-за масштабной многолетней миграции мужчин, в том числе молодых, рынок женихов ограничен. Поэтому потенциальные невесты направляются в страну, куда выезжают потенциальные женихи — в Россию.

Согласно исследованию 2015 г., основные сферы занятости для женщин из Таджикистана и Киргизии — занятость в сервисной экономике. Так, 43% из них работали в сфере услуг (общепит, сфера развлечений, гостиничный бизнес и т.п., кроме частных услуг на дому), а 31% — в торговле. Третьей по значимости сферой выступает домашний труд (няня, сиделка, домработница): в нем

были заняты около 8% опрошенных женщин. ЖКХ (5%), транспорт и связь (2%), образование (1%) и здравоохранение (1%) вместе взятые дают рабочие места менее чем для 10% всех занятых женщин.

Выход женщин-трудовых мигрантов на рынок домашнего труда дает возможность части россиянок вновь вернуться на рынок труда в условиях, когда занятость женщин в России очень высока. Так, по показателю занятости женщин РФ опережает многие развитые страны: в 2017 г. среди женщин в трудоспособном возрасте работали 77%, а их доля в общей численности занятых достигала 49% [8. С. 1].

Женщины реже, чем мужчины попадают в ситуацию невыплаты зарплаты, так как они занимают рабочие места, где в среднем меньше рисков быть обманутыми (клининговые компании, домашняя работа, продавцы в магазинах, официантки в кафе и ресторанах) [5].

В связи с вступлением Киргизии в ЕАЭС прогнозировалось вытеснение мигрантками из Киргизии мигранток из Таджикистана с их рабочих мест, из-за того, что мигрантам из Киргизии не нужно будет получать разрешительные документы на работу и они смогут демпинговать в зарплатах, так как их затраты на легализацию своего пребывания и работы резко упадут. Отчасти эти прогнозы сбылись [5].

Анкетное исследование 2015 г. показало:

- женщины из Таджикистана и Киргизии при трудоустройстве почти не используют государственные сервисы (1,4%), услуги частных агентств занятости

(2,4%). Основным способом поиска работы остаются социальные сети (связи): 71% женщин ищут работу с помощью родственников, друзей или знакомых. Все более востребованным становится поиск работы через сеть Интернет (6,2%), что лишь немного уступает по популярности газетам, радио и ТВ (7,4%);

- *договор не заключают 60% женщин.* Причем около 60% из тех, кто не заключал официальный договор, сами не считают это важным. Нежелание работодателя заключать договор является причиной отсутствия официального договора примерно в трети случаев;
- *Официально зарплату получают только около четверти женщин.* Еще около 8% частично получают зарплату официально, а частично — неофициально. При этом почти две трети работающих женщин получают зарплату «вчёрную», наличными, без всякого оформления;
- *не может свободно уйти от своего работодателя примерно каждая десятая женщина.*

Таким образом, труд мигранток из Киргизии и Таджикистана зачастую плотно привязан к неформальным экономическим отношениям и «теневой» экономикой. Это очень интенсивный и тяжелый труд: в среднем женщины работают более 10 часов в день, а рабочая неделя у них в среднем составляет около 5,6 дней в неделю. Многие из них работают совсем без выходных.

Ситуацию с легальностью работы и пребывания опрошенных женщин хорошей назвать трудно: многие из

них не имеют медстраховки (58%), более трети — разрешительных документов на работу. Патент для работы у юридических лиц есть у 25%, а патент для работы у физических лиц — у 29% опрошенных женщин

Позитивные итоги отъезда с родины, определяемые самими мигрантками, показывают, на что в основном заработанные ими деньги уходят на питание, образование детей и улучшение жилищных условий. Так, о том, что семья стала лучше питаться, упомянули 40% опрошенных женщин; о том, что дети могут получить хорошее образование — 36%, а об улучшении жилищных условий — 31%. При этом респондентки выделили и два важных итога, фактически меняющих привычные им гендерные роли и статус в домохозяйстве: 28% сказали о важности приобретения делового опыта, облегчающего трудоустройство в будущем, а 17% отметили как позитивный итог обретение независимости (от мужа, родителей и т.п.). Приобретение женщинами делового опыта является положительным итогом не только для самих женщин и их домохозяйств, но и для экономики Киргизии и Таджикистана [5; 9]. Самозанятость в личном бизнесе — это надежда и позитивное будущее для этих стран, так как это открывает возможности для снижения оттока экономически активного населения Киргизии и Таджикистана в РФ.

Если позитивные итоги миграции для женщин выступали в основном как личные факторы, улучшающие жизнь домохозяйств, и, как итог улучшения качества жизни, позитивно влияли на экономическое положение в Таджикистане и Киргизии, то

негативные итоги миграции, выделяемые женщинами — трудовыми мигрантками, напрямую влияют на ухудшение ситуации в социальной сфере в этих странах Средней Азии. Такое негативное влияние носит долгосрочный и мультипликативный характер. Так, отсутствие возможностей у женщин ухаживать за стариками-родственниками (об этом говорили 56%) не только усиливает давление на социальные системы Киргизии и Таджикистана, но и ухудшает общий социальный фон. У мигрантов формируется ощущение, что государство не только подтолкнуло их в миграцию, не создав достойно оплачиваемые рабочие места, но и не способно в плане социальной поддержки защитить их родителей, остающихся дома. То же происходит и в отношении детей мигрантов, остающихся на родине: дополнительные финансовые возможности для улучшения их качества жизни, создаваемые мигрантами-родителями, не дополняются со стороны государства специальными социальными мерами. Это усиливает недоверие к государству как к институту. При этом снижение социального статуса у трудящихся-мигранток (упоминали 21%) и ухудшение отношения к ним (упоминали 7%) также снижает доверие к государству, слабо работающему над изменением на позитивные негативных общественных стереотипов, подозрительности и даже недоброжелательности общества по отношению к женщинам-мигранткам.

Ухудшение здоровья мигранток (упомянули 9% женщин) снижает общее качество трудовых ресурсов и увеличивает нагрузку на системы здравоохранения в Таджикистане и

Киргизии, куда приходят на лечение женщины, возвращающиеся из трудовой миграции. Откладывание рождений (у 8%), ухудшение семейных отношений (у 5%) и даже распад семьи (у 4%) — это не только личные негативные итоги миграции для женщин-мигранток и их домохозяйств, но и долгосрочные негативные эффекты демографического развития для Киргизии и Таджикистана.

Данные этого исследования описывают реальность середины 2015 г., когда патенты для работы мигрантам из Киргизии еще нужно было получать. После вступления Киргизии в ЕАЭС эта норма для них была отменена и в связи с этим интересно, как изменились стратегии поведения мигрантов и их забота о безопасности при трудоустройстве. Исследование 2016 г. дает возможность для сравнения занятости мужчин и женщин из Киргизии и Таджикистана в России.

По итогам анкетного опроса 2016 года видно, что существует серьезная дифференциация сфер занятости мигрантов: если раньше это, в основном, были торговля и строительство [10], то сейчас в России они значительно шире, хотя, конечно, не соответствуют разнообразию их сфер занятости в странах выезда.

Структура занятости у трудовых мигрантов из Киргизии и Таджикистана постепенно дифференцируется, но эта дифференциация зависит от страны исхода и пола мигрантов.

Так, мигранты из Таджикистана в 2016 г. были чаще заняты на тяжелых неквалифицированных работах, чем мигранты из Киргизии: среди мигрантов из Таджикистана 32% заняты в строительстве, а из Киргизии таких — только 12%.

Распределение респондентов по сферам занятости на родине и в России, %

Таблица 1

Distribution of respondents by employment spheres in their homelands and in Russia, %

Table 1

Сфера занятости	2016 г.										2015 г.		
	На родине					В России							
	Всего	Таджикистан, мужчины	Киргизия, мужчины	Таджикистан, женщины	Киргизия, женщины	Всего	Таджикистан, мужчины	Киргизия, мужчины	Таджикистан, женщины	Киргизия, женщины	Всего	Таджикистан, женщины	Киргизия, женщины
Строительство	15,6	23,8	19,0	0,0	0,0	22,1	43,0	17,2	1,6	1,2	2	2,3	1,6
Торговля (оптовая и розничная)	19,9	17,9	16,3	26,9	27,6	26,0	25,0	21,8	32,0	32,1	31,2	30,7	31,2
Промышленность	8,4	10,3	6,2	7,5	9,2	2,2	1,9	3,0	0,8	2,4	3,1	2,8	3,3
Жилищно-коммунальное хозяйство	1,0	0,4	1,9	0,0	1,0	5,9	2,4	10,2	3,1	7,1	4,9	5,1	4,7
Сфера услуг (общепит, сфера развлечений, гостиницы и т.п.)	13,7	11,2	13,3	20,9	15,3	23,7	12,3	23,0	39,0	38,7	42,5	42,1	42,8
Транспорт и связь	14,4	16,1	23,3	1,5	0,0	6,9	7,5	11,5	1,6	0,6	2,4	1,3	3,5
Образование	11,7	9,0	5,7	25,4	21,4	0,4	0,3	0,3	1,6	0,0	1	1,5	0,5
Здравоохранение	5,0	0,4	2,9	14,9	13,3	0,4	0,0	0,3	0,0	1,8	1,3	1,7	0,9
Услуги в частном домохозяйстве	10,4	10,9	11,4	2,9	12,2	6,5	4,6	2,7	17,2	10,1	7,8	7,1	8,9
Другое	15,6	23,8	19,0	0,0	0,0	5,8	3,0	10,0	3,1	6,0	3,8	5,4	2,6
Итого:	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Источник: данные социологических обследований.

В сфере услуг заняты 28% киргизстанцев и только 19% таджикстанцев. В торговле работают около четверти таджикстанцев и киргизстанцев. Среди мужчин-таджикстанцев строительство — преобладающая сфера — 43%, из них работают по строительным профессиям, а среди опрошенных мужчин-киргизстанцев таких только 17%. В то же время женщины из обеих этих стран крайне редко работают в строительной сфере (1-2% опрошенных женщин). В сфере услуг занято в три раза больше женщин из Таджикистана, чем мужчин из Таджикистана (39% против

12%), тогда как среди киргизстанцев этот гендерный разрыв не такой значительный — 38% против 23%.

Наибольший разрыв по сферам занятости между мужчинами и женщинами наблюдается в сфере услуг в частном домохозяйстве. Так, 17% женщин из Таджикистана и 10% женщин из Киргизии работают в этой сфере, а среди мужчин, соответственно, 5 и 3%.

Среди водителей больше мужчин-киргизстанцев (12%), чем мужчин-таджикстанцев (8%), тогда как среди женщин их ничтожно мало (соответственно, 1 и 2%).

В сфере торговли традиционно работают больше женщин, чем мужчин. Это характерно как для мигрантов из Киргизии, так и из Таджикистана. По 32% женщин из Таджикистана и Киргизии работают в этой сфере, а среди мужчин таких, соответственно, 25 и 22%.

Стратегии поиска работы в 2016 году по-прежнему были связаны с использованием ресурсов социальных сетей мигрантов: об этом заявили 69% опрошенных. У киргизстанцев более широкий спектр профессий, они реже полагаются на помощь мигрантских социальных сетей, включающих родственников, друзей или знакомых (64% против 74%). В то же время киргизстанцы чаще таджикстанцев ищут работу через объявление в газете, по радио, телевидению (12% против 7%) или через объявления, рекламу в Интернете (11% против 5%).

Частные агентства занятости, фирмы по трудоустройству трудовые мигранты используют очень редко: не более 4% опрошенных заявили об этом. Женщины из Киргизии прибегают к помощи социальных мигрантских сетей не только реже, чем женщины из Таджикистана (61% против 74%), но даже реже мужчин из Киргизии (65%). Они активно ищут работу через объявления в газете, по радио, телевидению (16%), а также через объявления или рекламу в Интернете (12%).

71% мигрантов из Киргизии в 2016 г. имели письменный договор с работодателем. Среди таджикстанцев только 42% опрошенных заявили, что имеют письменный договор с работодателем. При этом 43% мигрантов из Киргизии получали свою

зарплату официально, а среди таджикстанцев таких почти в два раза меньше (24%). Таким образом, более половины трудовых мигрантов письменных договоров с работодателями официально не оформляют.

Гендерные различия по обеим странам по этому вопросу незначительны. Как неоднократно показывали исследования Центра миграционных исследований [3; 11], отсутствие договора с работодателем в немалой степени — это решение самого мигранта. Так, из числа тех, кто не имеет договора, только 42% заявили о том, что заключать такой договор отказывается сам работодатель.

Сравнение результатов опросов 2015 г. и 2016 г. показывает, что возросло количество женщин из Киргизии, заключающих с работодателем письменный договор (с 42 до 67%). В то же время, изменилось соотношение причин, по которым договор с работодателем не заключается: если ранее сами женщины из Киргизии не считали заключение договора необходимым (в том числе, потому, что чаще работали на частных лиц, где договор является слабой защитой при конфликтах с работодателями; снижение с 60 до 43%), то теперь основная причина того, что договор не заключается — нежелание заключать его со стороны работодателя (рост с 31 до 43%).

Несмотря на то, что сами респондентки считают, что трудовой договор с ними стали заключать чаще, это не совсем так, если уточнять формат их трудовых отношений по признаку официальной выплаты заработной платы (табл. 2).

Реальная доля женщин из Киргизии, заключивших официальные тру-

довые договоры в 2016 г. (даже с учетом тех, кто получал часть зарплаты официально, а часть — неофициально) была равна 49% (а не 67%), а в 2015 г. эта доля составила 31% (а не

42%). В отношении женщин из Таджикистана по этому показателю не наблюдается сохранения status quo в 39-40%, а отмечено снижение — с 38 до 23%.

Таблица 2

Распределение респондентов по форме получения зарплаты, %

Table 2

Distribution of respondents by forms of receiving wages, %

Форма получения зарплаты	2016 г.					2015 г.		
	В целом	мужчины		женщины		В целом	женщины, Таджикистан	женщины, Киргизия
		Таджикистан	Киргизия	Таджикистан	Киргизия			
По официальной ведомости, через банк, на банковскую карту	33,3	25,7	46,2	18,0	36,3	26,6	31	22,2
Наличными без ведомости («в конверте»)	54,7	60,2	42,9	75,8	50,0	61,8	57,7	66
Частично официально, частично не официально	9,6	10,4	9,1	4,7	12,5	7,7	7,2	8,3
Не получает зарплату деньгами	0,3	0,8	0,0	0,0	0,0	0,2	0,2	0,4
Другое	2,1	2,9	1,8	1,5	1,2	3,7	3,9	3,1
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: данные социологических обследований.

50% опрошенных в 2016 г. трудовых мигрантов из Таджикистана и Киргизии заявили, что им самим «трудовой договор не нужен». К такому решению их склоняет не только невозможность оспорить нарушения трудового законодательства работодателями в российских судах, но и, например, (особенно это характерно для домашних работников), обоюдные риски нарушения устного договора с работодателем. Нарушение устного договора чревато серьезными издержками и потерями как для работодателя (нелояльность работника, снижение качества работы), так и для работника (возможность преждевременного увольнения, штрафы, потеря перспектив долгосрочного сотрудничества с работодателем).

В целом не более трети опрошенных в 2016 г. получают зарплату по

официальной ведомости или через банк, на карточку. Наличными зарплату получают 55% опрошенных; частично официально, частично неофициально — 10%. Среди опрошенных мигрантов из Киргизии 43% получают свою зарплату официально, а среди таджикстанцев таких в два раза меньше (24%). Мужчин, легально получающих зарплат, больше, чем женщин: 35% против 28%. При этом из числа таджикстанских мужчин по официальной ведомости получают зарплату 25%; женщин — 18%; из числа киргизских мужчин — 46%, женщин — 36%.

Выводы

1. В России достаточно большой теневой сектор занятости, и часть мигрантов находят там работу, так

как они готовы жертвовать социальными гарантиями ради заработков и поэтому являются привлекательной рабочей силой для теневых дельцов. По-прежнему значительная часть их остается если не в теневом секторе, то в «серой» зоне российского рынка труда. Несмотря на позитивные изменения, даже в рамках ЕАЭС существуют сложности с полной легализацией их занятости, что означает значительную их уязвимость и даже беспомощность перед недобросовестным работодателем.

2. Сложившаяся система найма на работу «через своих» закрепляет практики неформальной занятости и консервирует уязвимое положение трудящихся женщин-мигрантов на рынке труда России.

3. К сожалению, защита прав трудящихся женщин-мигрантов из Таджикистана и Киргизии осложняется из-за правового нигилизма самих трудящихся-мигрантов, которые не только не стремятся легализовать

свое положение в РФ, но и не прилагают никаких усилий для заключения трудовых договоров, не считая это чем-то важным и нужным. Поэтому при возникновении сложных или конфликтных ситуаций трудящиеся женщины-мигранты имеют мало шансов защитить свои трудовые права через суд, официальным путём.

4. Мотивация женщин при выборе трудовой миграции не сводится только к экономическим причинам. Многие из них мигрируют вместе с мужем или вслед за мужем, желая сохранить семью из-за риска ее распада, особенно если это семья состоит из молодых людей.

5. Женская трудовая миграция в Россию из Таджикистана и Киргизии имеет дифференцированный характер, так как различается по природе выталкивающих факторов и структуре женской миграции, что обусловлено как историческими, так и социально-экономическими факторами, разными в этих странах.

Литература и Интернет источники

1. **Зайончковская Ж.А. и др.** Защита прав москвичей в условиях массовой миграции. — М.: Центр миграционных исследований, 2014. — 119 с.
2. **Тюрюканова Е.В.** Принудительный труд в современной России. Нерегулируемая миграция и торговля людьми. — М.: МОТ, 2004. — 123 с.
3. Женщины-мигранты из стран СНГ в России. Серия: Миграционный барометр в Российской Федерации. — М.: МАКС Пресс, 2011. — 118 с.
4. **Зайончковская Ж.А., Мкртчян Н.В., Тюрюканова Е.В.** Россия перед вызовами иммиграции // Постсоветские трансформации: отражение в миграциях. — М.: АдамантЪ, 2009. — 412 с.
5. **Полетаев Д.В.** Феминизация сообществ трудовых мигрантов из Средней Азии: новые социальные роли таджичек и киргизок // Транснациональные миграции и современные государства в условиях экономического кризиса. — М.: РСМД, 2016. — С. 202-232
6. **Полетаев Д.В.** Связь миграции с ранними браками и разводами у мигрантов из Центральной Азии. [Электронный ресурс] — Режим доступа: www.auca.kg/uploads/Migration_Database/Publications/Migration_early_marriages_Poletayev_2013.pdf (Дата обращения: 11.10.2018)
7. **Полетаев Д.В.** Трудовая миграция в Россию и матримониальное поведение в странах Центральной Азии // Демоскоп-weekly № 579-580 16-31 декабря 2013. — [Элек-

- тронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0579/analit03.php> (Дата обращения: 11.10.2018)
8. Мануйлова А. Гендерному равенству назвали цену // Коммерсантъ 16.06.2017. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3326159> (Дата обращения: 11.10.2018)
 9. Оценка нужд и потребностей женщин — трудящихся мигрантов. Центральная Азия и Россия / Под ред. Тюрюкановой Е.В., Абазовой Р. — М.: ЮНИФЕМ-МОТ, 2009 — 78 с.
 10. Полетаев Д.В. Региональные аспекты незаконной миграции в Россию // Проблема незаконной миграции в России: реалии и поиск решений (по итогам социологического обследования) МОМ, Бюро МОМ в России. — М.: Гендальф, 2004. — С. 45-160.
 11. Домашние работники в России и Казахстане. — Алматы: Ex Libris, 2014. — 124 с.

Для цитирования:

Полетаев Д. В. Женская трудовая миграция из Таджикистана и Киргизии в Россию // Народонаселение. — 2018. — Т. 21. — № 4. — С. 68-78. DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-4-07.

Сведения об авторах:

Полетаев Дмитрий Вячеславович, к.э.н., ведущий научный сотрудник, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: migrocenter@yandex.ru

DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-4-07

FEMALE LABOR MIGRATION FROM TAJIKISTAN AND KYRGYZSTAN TO RUSSIA

Dmitry V. Poletayev

Institute of Economic Forecasting, Russian Academy of Sciences
(47 Nakhimovskiy prospect, Moscow, Russian Federation, 117418)

E-mail: migrocenter@yandex.ru

Abstract. Female labor migration from Tajikistan and Kyrgyzstan to Russia needs a detailed analysis since it is poorly represented in official statistics (migrant women are often employed in the informal sector). In article is based on the data from two sociological surveys of migrant women from Tajikistan and Kyrgyzstan carried out in 2015 and 2016. It presents analysis of the dynamics and structure of the spheres of employment of these female migrants, considers various aspects of their rights infringement, as well as positive and negative consequences of migration for female labor migrants themselves. The outcomes of the two surveys show changes in the sphere of employment of migrant women, the present practices of their labor rights infringement, different strategies of behavior on the labor market depending on the specifics of patriarchal way of life in their homeland, knowledge of the Russian language. Part of the female migrant workers from Tajikistan and Kyrgyzstan in Russia work in the shadow economy, and even within the EAEU there are difficulties with legalization of their employment that means their considerable vulnerability to their employers. The present system of hiring with the help of compatriots reinforces the practices of informal employment and preserves the vulnerable position of these women, and protection of their rights is complicated, among other things. In case of conflict situations female migrant workers in Russia have little chance to protect their labor rights through the courts, by the official way. Female labor migration to Russia from Tajikistan and Kyrgyzstan differs in the nature of push factors and in the structure of female migration that is conditioned by the historic and socio-economic factors.

Keywords: labor migration to Russia, female migration, rights, employment sphere.

References and Internet sources

1. Zayonchkovskaya Zh.A. et al. Zashchita prav moskvicey v usloviyakh massovoy migratsii [Protection of the Rights of Muscovites under the Conditions of Mass Migration]. Moscow. Tsentr migratsionnykh issledovaniy [Migration Research Center]. 2014. 119 p. (in Russ.)
2. Tyuryukanova E.V. Prinuditel'nyy trud v sovremennoy Rossii. Nereguliruyemaya migratsiya i trgovlya lyud'mi [Forced Labor in Modern Russia. Unregulated Migration and Human Trafficking]. Moscow. MOT [ILO]. 2004. 123 p. (in Russ.)
3. Zhenshchiny-migranty iz stran SNG v Rossii. Seriya: Migratsionnyy barometr v Rossiyskoy Federatsii [Migrant women from CIS countries in Russia. Series: Migration Barometer in the Russian Federation]. — Moscow. MAKS Press. 2011. 118 p. (in Russ.)
4. Zayonchkovskaya Zh.A., Mkrtchyan N.V., Tyuryukanova E.V. Rossiya pered vyzovami immigratsii [Russia faced with the challenges of immigration]. Postsovetskiye transformatsii: ot-razheniye v migratsiyakh [Post-Soviet Transformations: Reflected in Migrations]. Moscow. Adamant. 2009. 412 p. (in Russ.)
5. Poletayev D.V. Feminizatsiya soobshchestv trudovykh migrantov iz Sredney Azii: novyye sotsial'nyye roli tadhchek i kirgizok [Feminization of labor migrant communities from Central Asia: new social roles of Tajik and Kyrgyz women]. Transnatsional'nyye migratsii i sovremennyye gosudarstva v usloviyakh ekonomicheskogo krizisa [Transnational Migrations and Modern States in the Conditions of Economic Crisis]. Moscow. 2016. P. 202-232. (in Russ.)
6. Poletayev D.V. Svyaz' migratsii s rannimi brakami i razvodami u migrantov iz Tsentral'noy Azii [The relation of migration to early marriages and divorces among migrants from Central Asia]. Available at: https://www.auca.kg/uploads/Migration_Database/Publications/Migration_early_marriages_Poletaev_2013.pdf (Accessed: 11 October 2018). (in Russ.)
7. Poletayev D.V. Labor migration to Russia and matrimonial behavior in the countries of Central Asia. *Demoscope Weekly* No. 579-580. December 16-31. 2013. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0579/analit03.php>. (Accessed: 11 October 2018). (in Russ.)
8. Manuylova A. Gendernomu ravenstvu nazvali tsenu [Gender equality has been named the price]. *Kommersant*. 16 July 2017. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/3326159> (Accessed: 11 October 2018). (in Russ.)
9. Otsenka nuzhd i potrebnostey zhenshchin — trudyashchikhsya migrantov. Tsentral'naya Aziya i Rossiya [Assessment of the Needs and Requirements of Women — Migrant Workers. Central Asia and Russia]. YUNIFEM-MOT [UNIFEM-ILO]. 2009. 78 p. (in Russ.)
10. Poletayev D.V. Regional'nyye aspekty nezakonnoy migratsii v Rossiyu [Regional aspects of Illegal migration to Russia]. Problema nezakonnoy migratsii v Rossii: realii i poisk resheniy (po itogam sotsiologicheskogo obsledovaniya) MOM, Byuro MOM v Rossii [The Problem of Illegal Migration in Russia: Realities and the Search for Solutions. (based on a sociological survey)]. IOM Bureau in Russia]. Moscow. Gendal'f [Gandalf]. 2004. P. 45-160. (in Russ.)
11. Domashniye rabotniki v Rossii i Kazakhstane [Domestic Workers in Russia and Kazakhstan]. Almaty. Ex Libris. 2014. 124 p. (in Russ.)

For citation:

Poletayev D.V. Female labor migration from Tajikistan and Kyrgyzstan to Russia. *Narodonaselenie [Population]*. 2018. Vol. 21. No. 4. P. 68-78. DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-4-07 (in Russ.)

Information about the author(s):

Poletayev Dmitry Vyacheslavovich, Cand. Sc. (Econ.), leading researcher, Institute of Economic Forecasting, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
 Contact information: e-mail: migrocenter@yandex.ru